

Александр Суховиенв

ИСТОРИЯ ДОБРОГО ЧЕЛОВЕКА

ЧАСТЬ 1. ДЕННИ

Александр Суховиёв

История доброго человека

«Автор»

2026

Суховиев А.

История доброго человека / А. Суховиев — «Автор», 2026

«Диагноз: доброта души.» Эмоции обеспечены! «История доброго человека» — это не роман о войне. Это роман о человеке, который отдаёт всё, ничего не прося взамен, и о том, как дорого порой приходится платить за желание помочь. О надежде, которая сходит с ума. И о любви, которая врёт, чтобы не потерять. Вам не дадут покоя вопросы:— Можно ли остаться человеком, если мир вокруг тебя обесчеловечен?— И что делать, если твоя самая сильная сторона становится твоим смертным приговором? Откройте «Историю доброго человека». И будьте готовы к эмоциям!

© Суховиев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ИСТОРИЯ ДОБРОГО ЧЕЛОВЕКА	5
...Денни...	5
ПРОЛОГ	6
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Суховиен
История доброго человека
ИСТОРИЯ ДОБРОГО ЧЕЛОВЕКА

...Денни...

*Он всегда чувствовал, что им движет,
ощущал себя настоящего с самого детства,
ему не нужно было искать свое предназначение*

ПРОЛОГ

Декабрь 1948 года

Мороз стоял крепкий, третью неделю не сдавая позиций. Солнце пробивалось сквозь щели между обгорелых досок и едва освещало каменные стены старого подвала. Эти руины — всё, что осталось от старинного особняка в центре небольшого европейского города N. Подвал служил последним пристанищем для нашего героя и его спутников.

Тут выживала — да, именно выживала — группа подростков, оказавшихся в одиночестве во время войны. Сиротство пришло к ним в разное время, как почтальон со страшными письмами: к кому-то раньше, к кому-то — позже. Но объединяло их не горе, не жалость и не понимание того, что каждый сам за себя. Их сплотила простая, животная воля — уцелеть. Выжить любой ценой в эти суровые годы.

Место выбрали по одному критерию: благодаря забытой хитрости печных дел мастеров часть дымохода с зольником спускалась сюда. Юные, но проворные постояльцы, разворотили кирпичи и выложили из стены грубый очаг. Дымоход стал их общей артерией жизни, уносящей дым в небо и впускающей призрачный шанс не задохнуться. Спали они, сбившись в единый, дышащий клубок, у этого каменного изваяния, извергавшего тепло.

Но сегодня огонь пожирал не дрова. Он поглощал эмоции, кипевшие в тёмном влажном помещении, насквозь пропитавшемся сыростью и отчаянием. Речь шла о дальнейшем пребывании в их смрадном «раю» парня по имени Денни. Ему было шестнадцать. Но время текло для него иначе, как и для всех переживших ужас войны. Его годы измерялись не возрастом, а мерой износа души. Тогда жизнь оставляла свои насечки и шрамы намного глубже.

Чем он мог так насолить — думаете вы? В те голодные времена, после всего пережитого вместе, что можно сделать такого, чтобы твои единственные «близкие люди», с кем ты делил последнюю пайку хлеба и бился вместе за жизнь, указали тебе на дверь, ведущую в белую мглу декабря, на дорогу, пролежавшую во власти смерти.

Ответ звучал просто и чудовищно: парень был болен. Болен самой странной хворью того времени, а может, дело и вовсе не во времени. Для обзлѐнных, суровых детей в этом жестоком мире это виделось гангреной, которую требовалось отсечь, чтобы жить дальше. Они поставили диагноз: «Доброта души».

Пока приговор висел в воздухе, как запах гари от сырых поленьев, давайте перемотаем плѐнку. Увидим, как Денни заразился этим редким недугом — мальчик с добрейшим сердцем, столь неправильно реагирующим на повороты судьбы.

Глава 1

Денни родился в уважаемой семье юриста Уильяма и писательницы Софи в том самом — когда-то светлом и зелёном — городе N. Отец, жёсткий прагматик, учил сына всему искать объяснения и смотреть на ситуации с разных сторон. Он отличался строгостью, но любил Денни и верил, что рациональность — лучшая школа. Уильям часто пропадал в разъездах, поэтому воспитанием занималась мать, Софи — добрейшая на свете женщина. Ещё с ними практически жила Тома, служанка с телом, сотканным из деревенского хлеба, и её дочь Лилит — с глазами зелёными, как лесные лужицы. Тома принесла в дом запах воска и отзвуки древних слов из Библии, которые она читала мальчику и дочери каждый вечер, словно заговаривая их жизнь.

Денни с детства обладал гениальной способностью попадать в неприятности. Но гением считался своеобразным — его дар заключался не в нарушении правил, он не рос сорванцом или хулиганом. Просто его взгляд на события был особенным — талант разрушительного добра. Мальчик казался слишком человеческим для этого мира. Слишком доверчивым, слишком прямодушным и любил всё вокруг.

Первая крупная история случилась, когда ему исполнилось пять. Тома получила от родных редкий в то время гостинец — большой кусок солонины, заветренной и душистой. Ей предстояло отнести мясо своему брату, лежавшему в больнице. Тома, засунув свёрток в сумку, отлучилась в аптеку за лекарством, строго наказав Денни «сторожить кухню». Она имела в виду: не пускать кошку. Денни принял этот вызов и со всем старанием высматривал во дворе соседскую охотницу. Он стоял на посту, серьёзный, как часовой.

И тут в калитку забрела дворняга с щенками — тощие, с провалившимися боками, с глазами, в которых читалась не злоба, а просто бесконечная усталость от голода. Денни посмотрел на них. Потом — на свёрток на столе. Вспомнил наказ Тома, а следом — отрывок из Библии, услышанный от неё же совсем недавно перед сном: о необходимости помогать нуждающимся. Что может быть милостивее, чем накормить голодных?

Денни развернул тряпицу и, кряхтя, отламывал кусок за куском, швыряя их восторженно виляющей стае. Он кормил их, пока мясо не кончилось, а собаки, насытившись, улеглись у порога рядом с ним. Он знал: теперь на кухню с такой охраной не пройдёт ни одна кошка.

Возвращение Тома обернулось тихой трагедией. Она не кричала. Села на табурет и заплакала — не от злости, а от отчаяния. Денни, видя её слезы, впервые осознал, что между правильным поступком и нужным итогом может лежать пропасть. Отцу пришлось отдать ползарплаты, чтобы достать ещё кусок мяса. Наказание было суровым, но Денни так и не понял сути своей вины. Разве накормить голодных — плохо?

Чуть позже случай с Лилит стал настоящим открытием для пацана.

Недалеко был огромный двор, где играли дети из окрестных кварталов. Там же крутился толстенький мальчишка по имени Курт, сын мясника — светловолосый, нос крючком, живот размером с поросёнка. Курт был на год старше других и считал себя хозяином пустыря. Он отбирал игрушки у младших, дразнился, мог толкнуть в грязь просто так, для настроения.

В тот день он прицепился к маленькому тощему еврейскому мальчику, который недавно появился в их районе. Тот стоял, вжав голову в плечи, а Курт кружил вокруг него и нараспев повторял: «Жид, жид, тощий вид, даже свинья не подходит, боится, что заразит!»

Другие дети смеялись. Денни стоял в стороне и чувствовал, как внутри закипает что-то горячее, это зарождалось огромное желание заступиться.

Но его опередили.

Лилит вышла из-за детских спин — тоненькая, круглолицая, в платье в горошек, которое было ей велико. Она подошла к Курту вплотную, посмотрела на него снизу вверх и произнесла, скалясь, так громко, что услышали все:

— А у твоего отца мясо тухлое! И толстый ты, как свинья! Хрю-хрю!

Во дворе стало тихо. Курт побагровел, отчего веснушки стали почти белыми. Он замахнулся, но Лилит даже не моргнула. Она просто стояла и смотрела на него зелёными глазами, в которых не было страха — только холодное, спокойное презрение.

Дени с разбега хотел толкнуть Курта в сторону, но споткнулся и, падая, попал ему головой между ног. Курт коротко вскрикнул и повалился, держась за причинное место. Дети разбежались. Маленький еврейский мальчик посмотрел на Лилит с таким обожанием, будто она ангел, спустившийся с небес. А Лилит взяла Денни за руку и сказала:

— Пойдём. Тут скучно.

Денни шёл и смотрел на неё. Внутри что-то щёлкнуло. Не любовь — мальчик был слишком мал для этого. А осознание. Он вдруг понял, что Лилит не просто «девочка, нуждающаяся в опеке». Она сама может защитить. И делает это — благодаря внутренней, опьяняющей силе, которой может позавидовать любой пацан.

С тех пор он воспринимал Лилит иначе. Не как младшую, не как обузу. Как равную. Как ту, с кем можно идти в разведку, зная: она прикроет спину.

Но настоящие испытания начались, когда Денни исполнилось девять лет, а немцы уже прочно обосновались в городе.

Уильям, отец Денни, не бежал. Он остался и, будучи квалифицированным юристом, чтобы спасти семью, вынужден был пойти на службу к фашистам. Его непосредственным начальником стал капитан Эрих Шульц — человек с безупречными манерами, от которых могло затошнить любого обывателя. Работа отца обеспечивала семье относительную безопасность: у них были карточки на питание, патрули обходили дом стороной, а Денни мог продолжать учиться. Но эта же служба сделала Уильяма мишенью для подполья и одновременно заложником в руках оккупантов. Денни тогда не понимал двойственности положения отца — он просто знал, что папа уходит в большой серый дом у ратуши и возвращается поздно, усталый и молчаливый.

Здесь «неприятности» мальчика перешли в иную фазу — из бытовых во внутренние вызовы. Он стал проводником в запретном пространстве между патрулями немцев и подпольем. Его первым «заказом» оказалась не граната, а просто кусок хлеба и два кубика сахара, которые он нёс Лилит, перебравшейся с матерью в холодный барак на окраине. Комендантский час превращал город в шахматную доску с невидимыми движущимися угрозами. Для Денни это был идеальный полигон. Его доброта обрела цель и азарт. Прокрадываться через спящие дворы, замирать, прилипнув к холодной стене, когда в переулке гулко отдаются шаги, слышать собственное сердце, бьющееся как барабан, — всё это казалось не страшным, а важным. Он чувствовал себя не мальчиком, а стержнем с задачей: доставить еду. Риска Денни не ощущал, считая происходящее внутренним предназначением.

Однажды, пробираясь к Лилит, он споткнулся о жирную рыжую кошку, дремавшую около одного из постов. Животное взвизгнуло, Денни грохнулся, рассыпав драгоценные сахарные кубики по снегу. Из дверей выскочил полицейский. Денни не побежал. Он встал на колени и начал собирать подмокшие, липкие кусочки, сдувая с них грязь. Постовой посветил фонарём, увидел мальчишку, копающегося в снегу, и расхохотался. «Дурак, — сказал он беззлобно. — Домой, быстро». И ушёл.

Денни добрался до барака, сохранив лишь три сладких кубика. Лилит съела их вместе с остатками грязи, облизывая пальцы. Она сказала, что они самые вкусные, потому что именно он их принёс.

Отец девочки, Яков, работал на кирпичном заводе и очень редко видел свою семью. Заметив эту странную, бесстрашную преданность Денни, он однажды отвёл мальчика в сторону. Яков не просил, он констатировал: «Денни, ты можешь проносить маленькие вещи. Очень важные. Для наших». И тот, кивнув, согласился. Сначала были запретные листовки за пазухой. Потом — патроны, завёрнутые в тряпки и привязанные к ногам. И наконец — граната, холодная и неуклюжая, в двойном дне школьного ранца.

Он делал это не из идейных соображений — в его возрасте понятия «родина» и «свобода» оставались смутными и размытыми. Денни рисковал потому, что его просил отец Лилит, а она была для него самым близким человеком. Ещё в его детской картине мира существовало чёткое разделение: есть «наши» (Лилит, мама, папа, Тома) и «они» — те, кто заставляет девочку жить в холодном бараке и ходить голодной. Помогать «своим» было так же естественно, как дышать.

Каждая такая вылазка неизменно несла смертельную опасность. Денни словно носил вокруг себя невидимый щит наивности. Он смотрел на патрульных прямо, без тени вины, а его чистые, доверчивые глаза вызвали у них лишь снисходительную ухмылку.

— Чего бродишь, пацан? Пошёл домой! — и мальчишку отшвыривали прочь. Они искали страх, а он излучал лишь спокойную, непонятную уверенность. Эта особенность — не проявлять вины и страха — спасала его снова и снова, пока мир не потребовал от него не просто рисковать, а сделать окончательный, взрослый выбор.

Очередное поручение передал дядя Лилит, появившись не ночью, а днём, буднично, как будто зашёл одолжить соль. Но в глазах гостя скрывался жёсткий расчет. Мужчина отвёл Денни в сторону, в сарай за домом, где пахло старым деревом и пылью.

— Денни, слушай внимательно, — сказал он, положив свои грубые, исцарапанные ладони на плечи мальчика. — Есть дело. Очень важное. От этого зависят жизни людей. Многих людей. Сможешь отнести большой тюк со старыми вещами к дубовой роще за рекой? Там тебя встретят.

Денни, не раздумывая, кивнул. Мужчина был почти своим, и его тон не оставлял места для вопросов. Раз важно — значит, надо делать.

— Хороший парень, — и в голосе собеседника прорвалась тревога, которую тот попытался скрыть. — Ноша будет тяжёлой. Скажешь, что от тёти Тома, «зимняя одежда». Запомнил?

На следующий день, возвращаясь из школы, Денни зашёл в их полуразрушенный барак. Мужчина молча вынес из-за печки огромный, бесформенный узел, туго перевязанный верёвками. Поклажа действительно оказалась увесистой.

— Неси аккуратно. Иди огородами, вдоль реки. Ни с кем не заговаривай.

— Я всё понял.

Путь был долгим. Верёвки больно впивались в пальцы, плечо ныло. В дубовой роще, у раскидистого пня, его ждал незнакомец в поношенной куртке. Дени от волнения неожиданно вскрикнул:

— Зимние вещи от тёти Тома!

Человек молча принял ношу, коротко кивнул и растворился в лесной чаще. Потирая затёкшие руки, Денни побежал домой с чувством выполненного долга. Он даже немного гордился собой: ему доверили взрослое, серьёзное дело.

На следующий день город облетели слухи: из концлагеря на окраине совершила побег группа заключённых, перебив охрану. Поговаривали, будто у беглецов имелось огнестрельное оружие. Немцы впали в ярость, облавы шли одна за другой.

Ещё через день, под вечер, к дому Гудманов подкатила крытая чёрная машина. Из неё вышли несколько сотрудников гестапо и офицер в чистом мундире. Они даже не постучали — просто вошли, открыв дверь ногой.

— Уильям Гудман? — спросил офицер холодно.

— Да, — вышел вперёд отец Денни, сохраняя ледяное спокойствие.

— Вашего сына вчера видели с подозрительным свёртком у дубовой рощи. У нас есть сведения, что в той поклаже находилось оружие, использованное при побеге. Вы, как отец и лицо, пользующееся доверием рейха, несёте ответственность.

Уильям побледнел, но голос его не дрогнул:

— Мой сын — ребёнок. Его мог попросить о чём угодно любой встречный. Мальчик не мог знать...

— Молчать! — отрезал офицер. — Содействие партизанам карается смертью. Это станет уроком для каждого, кто думает, что статус даёт право покрывать предательство.

Это не было судом. Это было приговором. Всё произошло с чудовищной, надменной быстротой. Гестаповцы скрутили Уильяма и вытолкали во двор. Софи вскрикнула и бросилась вперёд, но её отшвырнули. Денни, схватив за шкуру, держал офицер.

Его отец стоял спиной к стене дома, к той самой, где летом вился плющ. Он не просил пощады, а лишь смотрел поверх голов на окно второго этажа, где отражалось бледное лицо Денни. Их взгляды встретились. И Уильям в последний раз попытался донести до сына мысль, но без слов. Его взгляд будто говорил: «Не вини себя. Живи».

Раздалась короткая, сухая команда на немецком. Грянул залп. Не один выстрел, несколько — громких, рвущих тишину вечера. Уильям дёрнулся и упал пластом на землю там, где только что стоял. Денни не помнил, как выбегал с матерью из дома, но в следующий миг они уже стояли на крыльце.

Крика не было. Только звон в ушах и леденящая пустота, в которой офицер чётко произнёс, обращаясь к Софи:

— Вам повезло. Пацана не тронем. Но помните — и его ждёт та же участь, если не научите, кто хозяин.

После того как машина уехала и во дворе остались только они, мать и сын, время замерло. Звуки вернулись обрывками: далёкий лай собаки, чьи-то шаги за забором, быстро стихающие, будто люди рядом с этим местом сами оказывались отмечены смертью. Софи, не издав ни звука, рухнула на колени рядом с телом мужа. Её губы мелко дрожали.

Денни не двигался. Он стоял, вцепившись пальцами в деревянный косяк, и смотрел не на отца, а на то место, куда устремился взгляд Уильяма в последнюю секунду. Окно. Его окно.

«Он видел меня. Он всё понял».

Его замутило, желудок сжался. Теперь Денни осознал, что тюк, который он нёс с такой важностью, стал смертным приговором для отца. Поступок, призванный помочь незнакомым людям, убил самого близкого.

Внутри всё давило, в груди зудело. Вера в справедливость, в безопасность мира, в то, что за добро платят добром, — всё это рассыпалось в прах, смешалось с пылью во дворе и тёмным пятном крови, растекающимся по земле. Денни посмотрел на руку отца: она неестественно завернулась при падении. На запястье были его любимые часы, с которыми мальчику разрешалось играть.

Он увидел, как мать, обессилев, закачалась. Ноги казались окаменелыми, но они сами понесли его вперёд. Денни подошёл, опустился рядом, обнял её за плечи. Он не плакал. Слез не было. Осталась только огромная, всепоглощающая тяжесть и это странное, тёплое побуждение внутри — надо её держать. Надо быть сильным.

— Мама, — его голос прозвучал хрипло и непривычно громко в тишине. — Мама, встань. Надо... надо...

Денни помог ей подняться, увёл в дом, усадил на стул. Потом вышел во двор один. Стараясь не смотреть на тело отца, он обернулся к Лилит. Та замерла у калитки — бледная, с огромными глазами, полными ужаса и слёз. Девочка искала Якова, не вернувшегося с работы;

пришла к Софи узнать, где он. И в тот самый момент сквозь ледяную пустоту внутри прорвался знакомый импульс.

Денни приблизился к ней.

— Он не придёт, — тихо сказал он.

Лилит просто смотрела на него, не в силах вымолвить слово.

— Но я здесь, — Эти слова были не утешением для неё, а клятвой для самого себя. Последней, какую он мог дать. — Я рядом. Я всегда буду рядом.

Он взял её за руку и повёл в дом, к матери. В этом жесте не было ни детской нежности, ни братской заботы — только акт воли. Решение. Сама потребность делать добро оказалась прочнее всего остального. Она не была чувством. Она оставалась частью его устройства, костью, которая не сломалась, когда всё вокруг рассыпалось в труху.

Так, с внутренней пустотой, звенящей, как разбитый колокол, и с неугасимым крошечным пламенем в самой её глубине Денни переступил порог. Не в дом. В новую эру жизни. Эру, где доброта перестала быть добродетелью. Она стала судьбой. Необъяснимой, роковой. И он понёс её в себе — не как крест, а как собственную, неизлечимую болезнь.

Гибель отца оставила их в подвешенном состоянии между жизнью и смертью. Привилегии исчезли, защита испарилась. Нормированная еда закончилась. Каждый день мог принести новое испытание.

Именно тогда в их судьбе появился капитан Эрих Шульц. Он не вломился, а пришёл с визитом — формальным, чтобы выразить «соболезнование вдове». Денни запомнил его как человека без лица: аккуратная форма, безупречные манеры, голос ровный, без эмоций. Шульц представлял военное руководство, когда-то — начальник отца, а теперь просто чужой человек, который почему-то пришёл. Он обладал властью над всеми в этом городе, в том числе и над их участью, но применял её тихо.

Через неделю капитан явился снова. Принёс банку кофе и плитку шоколада. Говорил с Софи на прекрасном французском, который она так любила прежде. Он не предлагал себя в качестве защитника. Просто находился рядом и знал, что этого уже достаточно, чтобы получать мнимый уют и нежное женское тело.

Денни ненавидел его. Ненавидел его спокойную уверенность, чистые сапоги, запах дорогого мыла и кожи, который тот приносил с собой. Офицер был живым воплощением системы, убившей отца, и в то же время — их единственным спасением. Эта двойственность разрывала мальчика на части.

Однажды, когда Шульц сидел в гостиной и пил чай, Денни решил продемонстрировать свою сознательность. Он выучил пару немецких фраз и, войдя в комнату, отчеканил: «Guten Tag. Danke schön». Шульц поднял бровь. Софи замерла. Денни, ободрённый, добавил: «Mein Vater ist tot». (Мой отец мёртв).

Капитан медленно поставил чашку. В комнате повисла тишина, густая, как патока. Потом кивнул и сказал по-немецки: «Я знаю, мальчик. Я знаю». И больше ни слова. Софи позже, уже ночью, плакала в подушку понимая боль сына, но ничего не могла с этим поделать.

Измощённая горем и страхом, женщина цеплялась за эту соломинку. Она не любила Шульца. Она терпела. За чашкой принесённого им чая с галетами, за разговором о литературе, который он вёл из вежливости, мать покупала безопасность для сына. Денни видел, как её глаза остаются пустыми, даже когда она улыбается в ответ на любезности гостя. Это была тихая, ежедневная казнь.

Как-то раз Шульц пришёл не с кофе. В руках он держал небольшую плетёную корзинку, откуда торчали длинные, чуть дрожащие уши.

— Это для мальчика, — сказал он, ставя её на пол. — Кролик. Порода баран. Говорят, очень смышлёные.

Денни смотрел на зверька. Тот отвечал внимательным взглядом. У него была мягкая, шоколадного цвета шерсть, влажный нос, который постоянно шевелился, и глаза — тёмные, блестящие, без страха. Он сидел в корзинке и деловито перебирал передними лапами солому.

— Его зовут Макс, — добавил Шульц. — Раньше жил у нашего казначея, но тот уехал.

Денни не сказал «спасибо». Он не произнёс вообще ничего. Просто присел на корточки и протянул палец. Кролик ткнулся в него носом, чихнул и принялся исследовать руку — тёплый, живой, настоящий.

Мама, стоявшая в дверях, чуть заметно кивнула. Денни понял: можно оставить.

Макс быстро стал центром маленькой вселенной мальчишки. По утрам, едва открыв глаза, Денни первым делом проверял корзинку — там ли, дышит ли, шевелит ли ушами.

Когда Денни брал кролика и шёл в барак к Лилит, Макс настороженно высовывал нос наружу, приносясь к морозному воздуху, запаху дыма и сырых дров — к чужой, тревожной жизни. Мальчик прикрывал его уголком тряпицы и шептал: «Не бойся. Я рядом».

Жилище Лилит и Тома было огромным, разграниченным фанерными перегородками на тесные закутки. Здесь пахло плесенью и мокрыми тряпками. В общем коридоре вечно толклись дети: тощие, быстрые, умеющие мгновенно оценить, можно ли у тебя что-то отнять.

В тот день они играли во дворе — солнце наконец пробило низкие облака, и даже холод казался терпимее. Денни сидел на перевёрнутом ящике, корзинка стояла рядом. Лилит, опустившись на колени, осторожно гладила Макса по спинке, и тот, зажмурившись, подставлял шерстку под её пальцы.

— Он как маленький плюшевый медведь, — сказала Лилит. — Только с ушами.

— Это баран, — важно поправил Денни. — Порода баран.

— Почему баран, если это кролик?

Денни задумался. Затем честно признался:

— Не знаю. Но так Шульц сказал.

Имя повисло в воздухе, как комар, противно звеня. Лилит ничего не ответила, только быстро, отрывисто погладила Макса.

Их заметили, конечно. Местные мальчишки — ватага человек пять, от восьми до двенадцати, все в обносках, с коленями, перепачканными глиной, — обступили их полукругом. Главный, долговязый, с вечно разбитой губой, прищурился на корзинку.

— Это чё там?

— Это кролик, — сказал Денни, не поднимая головы.

— Кролик, жирненький? — Клаус шагнул ближе.

— Он баран, — буркнул Денни. — Порода баран.

И тут началось.

— Баран! Слышали, баран! — заржал кто-то. — Сам баран, и кролик — баран!

— А давайте его съедим! — выкрикнул рыжий веснушчатый мальчишка.

— Нет, лучше поменяем!

Денни сжал губы от страха. Лилит тихо придвинула корзинку ближе к себе.

— Кролик — еда! — орал Клаус. — Кролик — вкусный!

Он наклонился, ткнул пальцем прямо в нос Макс. Зверёк дёрнулся и забился в угол.

Денни встал. Внутри всё дрожало, он не умел драться. Маленький, тощий, с тонкими запястьями и добрыми глазами, которые смотрели слишком доверчиво для этого мира. Клаус был выше на голову и шире в плечах в полтора раза.

Резкий шлепок раздался эхом по двору — Денни ударил. Не кулаком — ладонью, раскрытой, со всей силы, наотмашь. Звук получился громкий, сочный, словно хлопнули мокрой тряпкой. Клаус замер, схватившись за щёку. В глазах его плескалось непонимание — такого с ним давно не случалось.

— Он не еда, — сказал Денни. Голос его дрожал. — Он друг. И ты его больше не тронешь.

Дальше была свалка. Денни даже не пытался закрываться — он просто повис на Клаусе, вцепившись в его куртку, стараясь то ли защититься, то ли удержать противника. Его повалили, навалились сверху, грудь придавили коленом. Кто-то ударил в лицо, кто-то норовил пнуть под рёбра. Денни слышал крик Лилит — тонкий, отчаянный, похожий на визг. Внезапно чей-то взрослый голос рявкнул, ватага брызнула в стороны, и Денни остался лежать на мёрзлой земле, глядя в белёсое небо.

Лилит стояла над ним, прижимая к себе корзинку. Макс, живой и невредимый, с любопытством высовывал нос наружу.

— Ты как? — спросила Лилит шёпотом.

Денни сел, ощупал разбитую губу, осторожно коснулся саднящей щеки. Потом перевёл взгляд на кролика. Тот шевелил усами и, кажется, совершенно не понимал, что только что развязал третью мировую.

— О, как я ему в ухо дал, — вдруг улыбнулся Денни. Криво, сквозь ссадины, но настоящему. — Слышала, какой шлепок?

— Ага, на весь двор, — отозвалась Лилит, и они захохотали.

Домой Денни пришёл весь расцарапанный, с фингалом под левым глазом и курткой, порванной на плече. Мама бросилась к нему, но он отстранился. Софи посмотрела на кролика, затем на сына и спросила: «Ты защищал его?» Мальчик молча опустил взгляд. Она погладила его по голове и вздохнула: «Ты весь в отца».

Врать он не умел.

Ночью Денни долго лежал с открытыми глазами. Бок ныл, губа распухла, скула горела от ссадин. Но внутри, глубоко под рёбрами, там, где последние месяцы поселилась холодная, липкая пустота, вдруг затеплилось что-то маленькое и нежное.

Он защитил. Не маму, не отца и даже не Лилит. Макса. Существо, которое всего лишь кролик, и которое, может, умрёт через пару лет от старости. Но сейчас, глядя в темноту, слушая, как Макс тихо шуршит соломой, Денни думал: «Я не дал его в обиду. Я смог».

Он заснул со счастливой улыбкой.

А потом капитан Шульц исчез. Не попрощавшись. Просто перестал приходить. Позже прошёл слух, что его часть перебросили на Восточный фронт. Их щит, такой условный и отвратительный, рухнул.

К матери стали наведываться другие. Не офицеры, а отбросы тыла — озлобленные, выгоревшие мужчины в мундирах, считавшие женщину в опустевшем доме лишь способом доказать себе, что они ещё на чего-то стоят и над кем-то властны.

Денни всё понял. Он сидел в своей комнате, прижав лоб к холодной стене. Сквозь тонкую перегородку доносились звуки, от которых кровь стыла в жилах и хотелось вырвать собственные уши. Это не походило на то, что мальчик слышал раньше, когда приходил офицер. Тогда царила тишина, прерываемая редкими, приглушёнными голосами.

Теперь же — грохот падающей мебели, придушенные всхлипы, обрываемые грубым рыком, тяжёлые, влажные хлопки, словно колотили по мешку с зерном. И смех. Пьяный, развязный, животный. Денни затыкал уши пальцами, но звук пробивался сквозь кости черепа. Он видел это в своей голове с такой ясностью, будто стены между комнатами не существовало. Перед глазами стояло лицо матери — бледное, искажённое не болью даже, а каким-то всепоглощающим стыдом и покорностью, от которых у него самого сводило живот.

В тот вечер их было двое. И что-то в их голосах, в диком, не сдерживаемом уже ничем азарте подсказало Денни — сегодня будет хуже. Он сжался в комок под одеялом, пытаясь стать невидимкой, раствориться. Но звуки доносились громче. И вдруг — крик. Короткий, отчаянный, полный такого ужаса, что Денни вскочил с кровати. Потом послышался удар, ещё один, и крик оборвался, сменившись тихим, булькающим стоном. А избиение всё продолжалось. Методичное, тяжёлое.

Тело Денни начало двигаться само. Ноги, ватные и не слушающиеся, понесли его в соседнюю комнату, к тайнику в полу. Руки, холодные, как лёд, нащупали спрятанный пистолет отца — гладкий, весомый, чужой. Сердце колотилось где-то в горле, мальчишка глотал воздух короткими порциями. Он не думал. Мыслей не было. Был только тонкий, пронзительный звон в ушах и белое пятно ярости перед глазами.

Он распахнул дверь.

Картина отпечаталась в сознании навсегда, одним кадром. Беспорядок. Опрокинутый стул. Мать на полу, возле кровати. Её лицо... оно было неузнаваемым, опухшим, в крови и синяках. Одежда порвана. Один из этих ублюдков, приспустив штаны, стоял над ней, тяжело дыша. Второй, ухмыляясь, поправлял ремень.

Гул в голове Денни превратился в оглушительный рокот. Он не целился. Просто поднял массивную железку и нажал на спуск. Грохот разорвал воздух. Первое животное дёрнулось и рухнуло на бок. Ухмылка второго сползла с лица, сменившись идиотским изумлением, а затем паническим страхом. Он поднял руки и замер, захлёбываясь словами:

— Нет! Стой! Не надо! У меня дети, слышишь, дети! Я не хотел!

Но Денни слышал только одно, повторяющееся: «дети-дети-дети». Это слово стало тор- мозом. Оно не вызывало жалости, но меняло режим в его голове, переключая восприятие с приказа «устранить угрозу» на осознание: «перед тобой человек». Внутри произошло короткое замыкание. Рука, готовая нажать на спуск, зависла. Он не смог применить силу из одного мира — мира служанки Тома и заповеди «не убий» — к объекту из другого, полного хаоса и абсолютного зла. Он пощадил чудовище.

Эхо выстрела ещё висело в воздухе, смешиваясь со звоном разбитой посуды, когда с улицы донёсся громкий окрик и топот сапог. Патруль. Их казарма была через дорогу, они слышали всё.

Мир для Денни сузился до туннеля. Слезы, горячие и солёные, заливали глаза, превращая огни за окном в расплывчатые жёлтые шары. Он ничего не соображал. Инстинкт выживания, дикий и первобытный, вырвался на поверхность, сметая шок и ужас. Денни даже не взглянул на того второго, который скулил, прижавшись к стене. Он просто рванул прочь.

Мальчишка метнулся через знакомые комнаты — в прихожую, к дальней кладовке, где под потолком чернела лазейка на чердак. Он вскарабкался вверх, царапая колени о старые ящики, сердце колотилось так, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Снизу уже ломились в парадную дверь, слышались грубые голоса.

На чердаке царили темнота, пыль и запах старой древесины. Лунный свет пробивался сквозь щель в кровле, указывая путь к слуховому окну, ведущему на крышу соседнего дома. Денни, не раздумывая, протиснулся в проём. Холодный декабрьский воздух обжёт лёгкие. Он побежал по скользкой, покато́й кровле, балансируя на грани падения, не чувствуя ни страха высоты, ни холода — только жгучую потребность убежать, исчезнуть.

Преодолев скаты, он спустился по водосточной трубе во двор, знакомый с детских игр, и рванул через тёмные переулки к барaku. Денни бежал, спотыкаясь о выбоины и задыхаясь, в ушах теперь стоял не звон, а тихий стон матери. Он думал, что в нём слышна только боль.

В убогую комнатуху он ворвался без стука — в пыли, с побелевшим лицом. Тома, увидев его, не спросила ни слова. Она вскрикнула, подхватила мальчишку, прижала к своему тёп- лому, пахнущему хлебом и мылом телу, заслонив от всего мира. И только тут, в безопасности, в крепких, надёжных руках, сжимавших его окаменевшие плечи, защита дала сбой. Адреналин отступил, и на его место хлынуло понимание.

Оно пришло не как мысль, а как картинка, проявившаяся в памяти с ужасающей чётко- стью. Не лицо матери, когда он ворвался в комнату. А её поза. То, как неестественно вывернута была рука. Как запрокинута голова. И самое главное — полная, абсолютная неподвижность. Ни вдоха, ни звука. Ничего.

Денни замер в объятиях Тома. До слуха донёлся шёпот её молитвы: «Отче наш, иже еси на небесах...» В этот миг две реальности столкнулись: та, в которой он стрелял, чтобы спасти, и та, которую видел на самом деле.

— Она не двигалась... — выдохнул он хриплым, чужим голосом. — Тётя Тома... Она... она уже не дышала.

Слова, будто кислотный дождь, сожгли последние иллюзии. Он не спасал. Он мстил. А может, и не мстил вовсе — просто стрелял в пустоту, в то время как настоящие убийцы уже совершили своё дело. Ярость, выстрел — всё было бесполезным жестом. Он опоздал. Не защитил её. Позволил им лишить её жизни до того, как решился войти.

Осознание обрушилось на него всей тяжестью. Денни не выдержал и разрыдался — не по-детски, а глухими, надрывными рыданиями, в которых была и злость на себя, и беспомощность, и окончательная, беспросветная пустота. Тома только крепче прижимала его к себе, а её молитва становилась громче, пытаясь заговорить, отчитать этот ужас, эту непоправимую беду.

Неделя в подполье у Тома была похожа на жизнь в стеклянном колоколе. Каждый скрип на лестнице, любой стук в дверь заставляли Денни вздрагивать и замирать. Они ждали, и это ожидание изматывало сильнее любой расправы. И однажды утром их нашли. Без шума, с тихой, уверенной эффективностью. Двое в штатском вошли в комнату, деловито огляделись и кивнули на Денни: «Собирайся, паренёк. Идём разбираться».

Они не били, не кричали. Просто повели по ещё тёмным улицам в массивное серое здание с колоннами — бывшую ратушу, где теперь располагался штаб местного СС. Внутри пахло табаком, кожей, бумажной пылью. Денни втокнули в пустой, ярко освещённый кабинет и велели ждать. Пауза была недолгой.

Дверь открылась, вошли офицер в очках с безразличным лицом и — он. Тот второй. Теперь он был в чистой, отутюженной форме, но под глазами залегли синие тени, а пальцы слегка дрожали. Увидев Денни, немец едва заметно побледнел и отвёл взгляд.

Офицер сел за стол, разложил бумаги.

— Так, — начал он бесстрастно. — Унтер-офицер Краузе даёт показания, что, услышав выстрелы в доме напротив комендатуры, прибыл на место одним из первых. Застал картину: его сослуживец мёртв, гражданка Гудман мертва, в доме никого. Показания, — офицер бросил взгляд на дрожащего Краузе, — записаны. Теперь твоя очередь, мальчик. Где был ты в тот вечер?

Денни молчал, чувствуя, как под давящим вниманием офицера по спине пробежали мурашки. Он боялся. Но сильнее страха его парализовало другое — несправедливость. Этот человек, этот Краузе, стоял здесь живой и лгал. А его мать была мертва.

— Я... я был у знакомых, — тихо выдавил Денни.

— У каких знакомых? Кто может подтвердить?

— Служанка Тома. И её дочь.

Офицер что-то пометил в бумагах. Затем поднял глаза на Краузе.

— Унтер-офицер, взгляните на мальчика ещё раз. Вы абсолютно уверены, что не видели его в доме Гудманов в ту ночь?

Краузе заставил себя посмотреть на Денни. Он задержался на бледных сжатых губах, на синяке под глазом — следе от удара недельной давности. В глазах солдата боролись два страха: разоблачение в изнасиловании и паника перед мальчишкой — его знанием и памятью о том, как тот стоял с пистолетом в руках и мог убить, но пощадил. И, возможно, в этом испуге родился расчётливый инстинкт самосохранения. Он боялся, внутри все тряслось, мутило.

— Господин оберштурмфюрер, — голос Краузе прозвучал хрипло, но твёрдо. — Я... я не видел этого мальчика. А стрелявший... когда я вбежал, мельком заметил лишь спину. Высокий мужчина. В тёмной одежде. Он выпрыгнул в окно и скрылся.

Ложь повисла в воздухе, густая и осязаемая. Офицер изучающе смотрел то на одного, то на другого. Наконец его взгляд остановился на Денни.

— Что скажешь? Ты что-нибудь видел?

В голове у Денни пронеслись образы: отец у стены, мать на полу, прицел, застывший на спине Краузе... и опущенный пистолет. Этот человек лгал, чтобы спасти свою шкуру, но сейчас его враньё было единственным щитом для мальчика. Сказать правду — значит признаться в том, что был там. А это смерть. Невинных здесь не оправдывали.

Денни опустил глаза. В его душе что-то окончательно надломилось — не доброта, а вера в саму ценность истины. Правда убила бы его. Ложь подонка давала шанс.

— Я ничего не знаю, — глухо произнёс он. — Меня не было дома. Я ничего не видел.

Офицер постучал карандашом по столу. Дело выходило грязным и запутанным: два трупа, один из которых — немецкий солдат, никаких вещественных доказательств, кроме оружия, и два свидетеля, якобы не видевших друг друга. Расстрелять мальчишку? Можно прямо сейчас. Но за что? Да и время поджимало, а формальных оснований не хватало. Впрочем, парень был сыном уже наказанного «предателя». Подозрительный элемент.

— Ладно, я опаздываю, — отрезал офицер. — Мальчика — в лагерь. Служанку с дочерью отправить туда же.

Холодная констатация поставила точку. Денни не расстреляли — просто списали как ненужный, подозрительный придаток, как возможную угрозу, которую проще изолировать, чем разбираться. Последний акт «доброты» — так и не выпущенная пуля в Краузе — привёл за колючую проволоку и тех, кого он больше всего хотел защитить: Тому и Лилит. Чудовищная ирония не укладывалась в сознании. Денни просто покорно опустил голову, когда к нему подошёл конвой.

Три месяца в лагере стали самым страшным испытанием. Людей десятками вели в газовые камеры. Мать Лилит убили почти сразу — как шутили бессердечные надзиратели, она занимала слишком много пространства. Здесь выживание свелось к простой арифметике: как найти лишнюю кроху хлеба, как занять меньше места, как сделаться невидимым для обезумевшей толпы таких же обречённых. Но для Денни была ещё одна переменная — Лилит. Защита девочки стала единственной осмысленной задачей, якорем, не дававшим ему сойти с ума от голода и ужаса.

Он превратился в её тень. Когда раздавалась похлёбка — жижа из потрохов и гнилой картошки, иногда с плавающими странными волокнистыми кусочками, похожими на человеческую кожу, на которые страшно было всматриваться, — Денни пробивался вперёд. Распалкивая локтями ослабевших, он пытался получить две порции. Однажды высокий, измождённый до скелета мужчина вырвал у Лилит миску. Денни, не раздумывая, бросился на него, впился зубами в его грязную костлявую руку и не разжимал челюстей, пока тот с проклятием не отшвырнул её. Они съели ту похлёбку прямо с пола вдвоём, дрожа от адреналина и страха.

Ночью они спали вповалку на нарах, и Денни укладывался так, чтобы прикрыть Лилит собой. Он чувствовал направленные на них взгляды — пустые, голодные, лишённые всякой человечности. Взгляды, в которых читался не интерес, а простая оценка плоти. Мальчик шипел на них в темноте, как котёнок, скаля зубы и сжимая в кармане заточенный камень — своё единственное оружие.

Самым страшным были не эсэсовцы с собаками, а те, кто потерял рассудок. Те, у кого в глазах уже горел безумный огонь голода. Однажды, когда Денни отлучился за водой, к Лилит подкралась одна из таких теней. Он не говорил, лишь тянул к ней исхудавшие дрожащие пальцы, глядя на неё не как на человека, а как на кусок мяса. Денни вернулся вовремя. Заметив, что девочка в опасности, он молча, изо всей оставшейся силы ударил камнем в висок.

Тихо, беззвучно. Мужчина просто осел на пол и затих, истекая кровью. В этом месте смерть была самым обычным делом.

Каждый день начинался и заканчивался страхом. Но это чувство стало приручённым, фоном. На переднем плане осталась лишь одна мысль: «Она должна выжить. Она — последнее, что удерживает меня настоящего».

Авианалёт начался внезапно. Сначала где-то далеко завывали сирены, а вскоре небо заполнил нарастающий, рокочущий гул, от которого дрожала земля. Для заключённых это был не ужас, а шанс. Часовые, забыв о пленных, бросились к укрытиям, крича и толкаясь. В хаосе, поглощённом грохотом разрывов и воем падающих бомб, Денни схватил Лилит за руку. Слова не требовались — они побежали.

Они рванулись туда, где забор был частично разрушен прошлым обстрелом, к груде битого кирпича и колючей проволоки, свисающей клочьями. Фрицы стреляли по убегающим. Ребята пробирались перебежками: то падая, то прижимаясь к земле от яростного воя снарядов. Не чувствуя боли из-за адреналина, Денни разодрал в кровь руки, раздвигая заграждение, и всё же сумел сделать проход. Лилит оглушило взрывом, но они не сдавались, пролезли, цепляясь рваной одеждой за ржавые шипы, и оказались по ту сторону — в поле, усеянном воронками. Они бежали, не оглядываясь, мчались под раскалённым небом, и каждый всполох снарядов казался им салютом в честь свободы.

Следующие несколько дней прятались в развалинах, дрожа от каждого шороха. А потом пришла тишина. Не мирная, а настороженная. И сменилась она грохотом другой артиллерии — не с неба, а с земли. Близкими, оглушительными залпами. Они прижались друг к другу в подвале сгоревшего дома и ждали. И вот тогда раздалась речь на незнакомом, немного жёстком, но таком добром языке. Пришло спасение. Город освободили советские солдаты, все радовались и ликовали, встречая освободителей в слезах счастья.

Они вышли из укрытия, держась за руки, и увидели новый мир. Мир, где по улицам ехали не немецкие «тигры», а квадратные зелёные танки с красными звёздами, где солдаты в шинелях, уставшие и суровые, раздавали из кузовов трофейные галеты. Этот воздух пах гарью, пылью и — странно — надеждой.

Привычный путь сам вёл их по знакомым, но изувеченным маршрутам к дому Денни. Он не сразу признал его. Точнее, он вспомнил само место: вот здесь был палисадник, где росла сирень, вот здесь — каменная скамейка у входа. Но самого дома... его не было. Там зияла чёрная пасть из обугленных балок, груд кирпича и черепицы. Всё, что осталось от детства, от памяти об отце и матери, от беззаботной жизни маленького доброго мальчика — превратилось в кучу мусора.

Денни стоял и смотрел, не в силах пошевелиться. Казалось, рухнул последний оплот, последняя связь. Но тут Лилит молча указала куда-то пальцем.

Он перевёл взгляд туда, куда она указывала. Среди хаоса обломков, чуть в стороне, виднелся тёмный провал. Подвал. К нему вела полузасыпанная лестница. Они осторожно спустились. Внутри пахло сыростью, гарью и холодным камнем. Лучи света, пробивавшиеся сквозь щели в завале, выхватывали из мрака знакомые очертания: печную нишу, часть стены. И тогда Денни увидел его — кирпичный выступ, уходящий в толщу перекрытия. Часть старого дымохода. Та самая труба с зольником. Он подошёл и прикоснулся ладонью к шершавой, холодной поверхности. Мальчик увидел не просто часть печи, а настоящий знак. Последний осколок прошлого, который не только уцелел, но и предлагал себя в качестве основы для будущего и тёплой надежды.

В сырой, тёмной яме, среди праха всего, что он любил, Денни впервые за долгое время почувствовал не страх и не отчаяние, а тихую, непоколебимую уверенность. Есть крыша над головой. Пусть под землёй, но это шанс выжить. Подвал и уцелевший дымоход были не просто убежищем. Они стали обетованием, данным самой судьбой: «Ты прошёл через испытания. Теперь можешь погреться у своего собственного очага».

Лилит села у стены, обхватив колени руками, и замерла. Она почти не говорила последние дни — после контузии от разорвавшегося рядом снаряда, её трясло по ночам, а днём она смотрела в одну точку и молчала. Есть перестала. Только пила воду, и то через силу.

Денни заметался. Надо было что-то делать. Руки должны работать, иначе голова взорвётся.

Он вышел наружу, туда, где среди обломков валялось то небольшое, что осталось от прежней жизни. Нашёл погнутую жестяную кружку, чудом уцелевшую тарелку с отбитым краем, ржавый котелок без ручки. Находки стащил в подвал, составил в углу. Потом собрал палки — обгорелые, сырые, но хоть какие-то. Сложил их у печной ниши. Аккуратно, поленницей, как учил отец: «Дрова любят порядок, сынок. В строю они лучше горят».

Отец.

Денни замер на секунду, прижался лбом к холодному кирпичу дымохода. И вдруг вспомнил.

Мама. За несколько дней до того, как всё рухнуло, она отвела его в этот самый подвал. Тогда здесь было чище, суше, но всё равно пахло сыростью. Она отодвинула какой-то ящик, запустила руку за кладку, туда, где зольник, и вытащила маленький свёрток в промасленной тряпице. «Если со мной что-то случится, — сказала она тихо, — здесь кое-что есть. На чёрный день. Запомни это место, Денни. Только никому не говори».

Он не спросил, что там. Ему было неинтересно. Он просто запомнил.

Сейчас он разгрёб золу у основания дымохода. Пальцы нащупали щель между кирпичами, глубже, ещё глубже. Там, в темноте, что-то лежало. Он вытащил находку — тот самый свёрток, тряпица истлела по краям, но внутри...

Документы. Два конверта — письма, наверное. И драгоценности.

Он высыпал их на ладонь: золотые серёжки с зелёными камнями — мамины, он помнил, она надевала их по праздникам. Тонкая, изящная цепочка с маленьким бриллиантом в кулоне. И самое главное — обручальное кольцо отца, широкое, матовое, тёплое на ощупь. А ещё — тяжелые любимые отцовские часы с потёртым кожаным ремешком и пожелтевшим циферблатом. Денни прижал их к щеке. Стрелки замерли. Но вещь была настоящей, осязаемой.

Он сунул всё найденное за пазуху, спрятал под рубашку. Холодный металл обжёг кожу.

Лилит сидела там же, где он её оставил. Глаза закрыты, дыхание едва заметно.

— Я сейчас вернусь, — сказал Денни. — Ты жди. Только жди.

Она кивнула. Или ему так показалось.

Он выбежал на улицу. Ноги не слушались, подкашивались от голода, но он бежал. В голове стучало одно имя: Гюнтер. Господин бухгалтер, австриец, работавший вместе с отцом. Он не казался злым — суетливый, вечно заискивающий. Денни помнил, как однажды Гюнтер приходил к маме, и она меняла у него столовое серебро на еду. Австриец мог остаться в городе. Мог помочь.

Дверь открыли не сразу. Хозяин выглянул, узнал Денни, и лицо его дёрнулось — то ли от испуга, то ли от безгласности.

— Ты чего, мальчик? Зачем пришёл?

— Там Лилит, — выдохнул Денни. — Она умирает. Ей плохо, она не ест, не говорит. Помогите. Я заплачу.

Он вытащил из-за пазухи серёжки и сунул их Гюнтеру в руку. Золото блеснуло даже в сером свете хмурого дня. Мужчина сглотнул.

— Заходи.

В комнате пахло кислой капустой и табаком. Гюнтер усадил Денни на табурет, сам сел напротив, вертя драгоценности в пальцах. Глаза у него стали масляные, загорелись.

— Хорошие серьги, — сказал он. — Настоящие. Откуда?

— Мамины.

— Ясно... Слушай, мальчик. Я знаю одно место в соседнем городе, час езды. Там приют для детей. Есть медсестра, кормят, даже учат чему-то. Крыша над головой, тепло. Но просто так не берут. Надо платить.

— Я заплачу, — Денни сжал в кармане оставшееся. — Серёжек не хватит?

Бухгалтер прищурился, взвешивая золото на ладони.

— На первое время — да. Но чтобы её оставили надолго... нет. Нужно больше.

— Я приведу её, — выпалил Денни и протянул кулон с цепочкой. — А вы... вы позаботитесь? Отвезёте?

— Приводи, теперь точно хватит, — кивнул Гюнтер, глядя на украшение. — Если меня не будет, ключ от комнаты оставлю под половиком. Я всё сделаю.

Денни вылетел пулей. Мчался обратно, спотыкаясь и задыхаясь, а в груди колотилось: «Успею, успею, успею».

Лилит сидела там же. Даже не пыталась встать. Они присел рядом, взял её холодные ладони в свои.

— Слушай, — сказал он твёрдо. — Я нашёл тех, кто тебе поможет. В соседнем городе есть приют — хороший, тёплый, там кормят. Тебя отвезут. Ты поправишься. Поняла?

Она посмотрела на него долго-долго. Потом медленно кивнула.

Он поднял её на руки. Лилит была лёгкой, как птица, почти невесомой. Всю дорогу до Гюнтера она молчала, только прижималась щекой к его плечу, и Денни чувствовал, как дрожит её тело.

Дверь оказалась заперта. Денни постучал — тишина. Ещё раз, громче — никто не открыл. Он взял ключ под половицей и занёс девочку в комнату, уложил на узкую кровать, укрыл драным одеялом. Лилит открыла глаза, посмотрела на него.

Денни сглотнул. Горло сдавило так, что нельзя было выдохнуть.

— Я буду ждать тебя, — сказал он.

Она кивнула. Глаза у неё были совсем измученные, но ради них он был готов на все. Денни наклонился, поцеловал её в лоб — быстро, почти не касаясь. И вышел.

На крыльце он опустил на ступеньку. Слёзы текли сами по себе, он их не чувствовал, только ощущал солёный вкус на губах. Он не хотел, чтобы Лилит заметила. Она не должна была видеть это.

Сколько он так просидел — минуту, час? — он не знал. Очнулся от звука шагов.

— Она там, — сказал Денни, не оборачиваясь. — Лилит. Я привёл её.

Гюнтер замер, затем быстро скрылся в доме. Денни остался сидеть. Мужчина вышел спустя минуту с озабоченным, деловитым лицом.

— Тяжёлый случай, — произнёс он, глядя куда-то поверх головы Денни. — Слишком запущенный. Ей не просто приют, ей врач нужен срочно. А это расходы.

Он помолчал, потом перевёл взгляд на Денни.

— Ты сам-то как? Живой?

Денни мотнул головой.

— Не ел давно.

Гюнтер кивнул, будто услышал именно то, что ожидал.

— Вот видишь, — вздохнул он. — У тебя силы кончились, а у неё жизнь на волоске. Я, конечно, помогу, но... Того, что ты дал, хватит, чтобы её устроить надолго. Но на доктора... На доктора нужно ещё.

Денни всё понял. Гюнтер тянет, выжимает, знает, что он не откажется.

Достал отцовское кольцо. Тяжёлое, тёплое, последнее из по-настоящему ценных вещей. Протянул. Мужчина взял, спрятал в карман и коротко кивнул:

— Всё сделаю.

Денни поднялся. Колени дрожали. Он сделал шаг, второй — и побрёл прочь.

Он шёл, не разбирая дороги. Ноги сами несли его обратно к подвалу, к дымоходу, к гряде палок, которые он так старательно сложил. В кармане остались только отцовские часы — и больше ничего. Ни еды, ни тепла, ни надежды.

Он уже почти подходил к руинам дома, когда его окликнули:

— Эй, пацан! — позвал кто-то с сильным акцентом.

Денни поднял голову. Группа солдат в серых шинелях с красными звёздами на шапках. Один из них, молодой и веснушчатый, отделился от остальных, подошёл, присел на корточки.

— Ты чего такой зелёный? — спросил он, произнеся половину слов по-русски, но Денни понял. — Давно жрал, а?

Денни мотнул головой.

Солдат порылся в вещмешке, вытащил банку тушёнки и сунул мальчику в руки. Следом достал пряник — большой, твёрдый, пахнущий мёдом.

— На, держи. А это...

Он скрутил толстую самокрутку из газеты и протянул с усмешкой:

— Махорка. Закуришь? Для сугреву.

Денни посмотрел на самокрутку, потом поднял глаза.

— Спички есть? — спросил он. — Костёр разжечь нечем.

Солдат улыбнулся широко, по-детски, вынул коробок и бросил Денни.

— Держи, брат. Живи.

И пошёл дальше, к своим.

Денни спустился в подвал. Сел на холодный пол, разложив перед собой банку, лакомство, спички и отцовские часы. Долго смотрел на всё это. Потом взял пряник и впился в него зубами. Тёплый, сладкий, такой настоящий, что голова закружилась. Он жевал, не сводя глаз с циферблата. Стрелки замерли на месте, но ему казалось — они тикают.

Он положил часы на кирпичный выступ у дымохода. Чиркнул спичкой, поднёс к сухой бересте, сложенной ещё днём. Огонь занялся сразу, весело и жадно.

Денни смотрел на пламя. Где-то там, в чужой комнате, на чужой кровати, лежала Лилит. У неё будет врач, крыша над головой и надежда на будущее.

А у него — только этот огонь. И чувство, огромное, как небо: он сделал всё правильно. В который раз отдал последнее. Снова остался ни с чем.

Огонь потрескивал. Часы отца лежали рядом.

Денни привалился спиной к тёплому кирпичу, закрыл глаза и впервые за много дней провалился в сон без снов.

Три года этот костёр согревал его, а потом и новых знакомых.

Теперь же, глядя на огонь в очаге, Денни понял страшную правду: делая добро для других, не стоит надеяться на воздаяние той же монетой. А те, кого ты когда-то спас от холода и приютил, с кем делил тепло и хлеб у общего очага, могут решить, что ты лишний, и выбросить тебя обратно в темноту.

— Денни, — голос за спиной был хриплым, чужим. Кто-то кашлянул, переступил с ноги на ногу.

Денни не обернулся. Он продолжал смотреть на пламя.

— Я понимаю, — тихо выдохнул он.

За спиной молчали. Потом кто-то всхлипнул, но ничего не сказал. Огонь дрогнул.

Он не стал ждать, пока они произнесут это вслух. Он уже знал. Всё, что ему оставалось, — это снова шагнуть в декабрьскую мглу и навсегда покинуть родной подвал.

Денни собрал пожитки, поправил дрова в очаге, чтобы горели ровнее, взял несколько коробков спичек, закинул пару книг в котомку, посмотрел на отцовские часы и молча вышел...

Глава 2

Декабрь 1948 года

Дверь бара открылась, выпустив наружу клуб тёплого, прокуренного воздуха и негромкий гул голосов.

Мужчина, вышедший на улицу, выглядел под стать этой поро — основательный, крепкий, как сегодняшний мороз. На вид лет сорока пяти, с широкими плечами, мягкими плавными морщинами на лице, хранившими память о множестве жизненных моментов.

В его облике сквозила спокойная, уверенная элегантность: тёмно-серое пальто «честер-филд» — самое модное в этом сезоне, с бархатным воротником, который мягко темнел на сгибах. Шляпа из плотной ткани сидела чуть набекрень — он её так надел. Длинный тёмный шарф свисал неровно, один его конец доходил почти до пояса, а другой лишь прикрывал шею. На ногах — тяжёлые чёрные оксфорды, разношенные, но начищенные до блеска.

— Эх, зимушка! — сказал он сам себе.

Погода выдалась на загляденье. Холод под тридцать, снег скрипел под подошвами, а закат разгорался багровым. Город N жил своей вечерней жизнью.

Мужчина оттолкнулся от двери и зашагал по мостовой.

Шёл он уверенно, твёрдо, хотя после посещения бара слегка покачивался. Мир вокруг казался чуть добрее, а мысли — чуть медленнее. Он не торопился домой. Ему нравилось идти вот так, одному, слушая хруст под оксфордами и глядя, как день медленно закатывается за крыши.

Оставив позади пару улиц, он свернул к набережной и продолжил путь вдоль старого квартала. Здесь было тише, фонари горели реже, а дома стояли плотнее, пряча в своих стенах чужие жизни. Впереди, за аркой, темнел полуразрушенный двор — память о бомбёжках, которые город ещё не успел залатать.

И тут из этого сумрака выбежала девочка.

Лет шестнадцати, худая, в ветхом пальтишке, с растрёпанными рыжими волосами и лицом, залитым слезами. Она подбежала к мужчине, схватила его за рукав и, задыхаясь от стремительного бега, произнесла:

— Там! Там! — голос срывался на всхлип. — Мою сестру! Помогите! Пожалуйста!

Инстинкт защитника сработал быстрее любой мысли. Он вообще отличался таким нравом — не мог пройти мимо, если кто-то просил о помощи. Война, улица, молодость — всё это выковало привычку: если слабый в беде, ты должен быть рядом.

— Где? — бросил он коротко, уже разворачиваясь.

— Там! — девочка махнула рукой в сторону арки и рванула обратно.

Он побежал за ней.

Переулок вёл к арке. Старый двор, заваленный битым кирпичом и обгоревшими досками, оказался тупиковым.

Картина, представшая перед глазами, мгновенно подняла адреналин.

Высокий парень лет девятнадцати, с длинным шрамом на нижней губе, уходящим к подбородку, держал вторую девочку. Одной рукой он зажимал ей рот, другой — рвал с неё штаны. Жертва вырывалась, мычала, царапалась, но куда там: тощая, слабая против здорового лба.

— А ну, мразь! — рявкнул мужчина басом, от которого дрогнули стены. — Оставь её!

Он надвигался, и в голосе его звучало что-то свирепое. Парень со шрамом обернулся, увидел приближающуюся фигуру и отпустил девочку. Сёстры тут же метнулись в сторону и исчезли в темноте.

Мужчина подошёл к парню на расстояние удара. Тот не отступил: стоял и ухмылялся, нагло глядя в глаза:

— Попал ты, дядя.

И тут за спиной раздались шаги. Мужчина обернулся. Второй. Коренастый, плотный, с дужкой от кровати в руке — тяжёлой, железной, загнутой на конце. Стоял в десяти шагах, перегораживая выход.

Мужчина не испугался — лишь молча оценил ситуацию.

Страх ушёл из него давно, ещё в те годы, которые он не любил вспоминать. Вместо него явилось другое — холодное, расчётливое, звериное. Адреналин выжег остатки хмеля моментально, голова стала ясной, пальцы сжались в кулаки.

Он мгновенно оценил расстояние и траекторию. Короткий выпад вперёд — и костяшки впечатались в цель.

Долговязый не ожидал. Он вообще, судя по всему, привык, что жертвы боятся. Удар пришёлся в скулу — поставленный, с вложением корпуса. Парень молча рухнул на брусчатку, едва успев выставить руки. Его не вырубил, но ноги подкосились, а перед глазами всё поплыло.

Мужчина уже разворачивался ко второму.

Коренастый замахнулся дужкой, целя в голову. Мужчина вскинул левую руку, ставя блок — жёстко, отчаянно. Железо встретилось с костью. От боли и силы столкновения рука онемела мгновенно, до самого плеча. Хорошо бить ею он больше не мог.

Но правая оставалась свободной. Хук сбоку, точно в челюсть — со всей злости, с размаху. Глаза мужчины налились чем-то нехорошим, нечеловеческим.

— А ну, щенки! — прорычал он, и в этом голосе было обещание расправы.

Коренастый отлетел к стене, выронил железку, сполз по кирпичам. Он пытался подняться, но тело не слушалось — его сильно повело. Долговязый, однако, вскочил. Кинулся сзади, обхватил за шею, повис. Мужчина дёрнулся, сбрасывая его, но тот держался мёртвой хваткой. И тут кто-то схватил его за ноги.

Третий.

Мужчина его не заметил. Тот стоял, прижавшись к стене в тени, и ждал своего момента. Худощавый, жилистый, в потёртой восьмиклинке, сдвинутой набекрень, с глазами, в которых плескалось что-то странное — не страх, не злость, а какая-то затаённая, горькая решимость.

Он обхватил ноги мужчины и дёрнул на себя. Тот рухнул на брусчатку. Парень не отпустил, вцепился намертво. Долговязый пытался бить сверху, но удары были слишком слабы — мужчина закрывался, отвечая снизу короткими прямыми.

Коренастый встал и, шатаясь, пошёл к арке.

Драка складывалась не в их пользу. Мужчина был как скала — его били, а он не чувствовал. Опыт, злость, выдержка — он не собирался проигрывать каким-то пацанам.

Долговязый понял: так не выйдет, полез в карман подранного пальто.

Лезвие блеснуло в темноте.

Нож. Длинный, похожий на те, что покупали себе немцы.

Первый удар мужчина перехватил — схватил за запястье, но пальцы соскользнули, и оружие осталось у нападавшего. Второго выпада он не заметил. Лезвие летело прямо в глаз — быстро, неотвратно, убийственно.

И в последний момент занесённый клинок дёрнулся в сторону.

Худощавый, тот самый, державший его за ноги, отпустил вдруг одну руку, рванул вверх и перехватил замах напарника. Нож прошёл вскользь, только полоснуло по уху — горячо, больно, но не смертельно.

Все замерли.

Тишина повисла во дворе такая, что стало слышно, как падает снег с карниза.

Долговязый бросил гневный, непонимающий взгляд на своего поделника. Тот, в восьмиклинке, смотрел куда-то в сторону, всё ещё сжимая чужое предплечье мёртвой хваткой.

Он быстро выпустил ноги своей несостоявшейся жертвы.

Долговязый дёрнулся, вырвал нож и отскочил. Коренастый, который уже успел скрыться в арке, свистнул оттуда коротко, призывно.

— Уходим! — крикнул долговязый.

Троица скрылась в темноте прохода.

Мужчина остался лежать на брусчатке.

Он лежал, раскинув руки, глядя в узкую полоску неба между кирпичными развалинами. Дышал тяжело: такая «тренировка» после бара давала о себе знать. Ухо горело огнём, по шее текла тёплая кровь. Предплечье, которым он блокировал удар, распухло и не слушалось.

Но он улыбался.

Глупо, по-мальчишески, одними уголками губ.

«Как в молодости», — подумал он.

И вспомнил вдруг что-то своё, далёкое, из той жизни, которая кончилась много лет назад. Дворы, драки, первых врагов и первых друзей. И того парня, который однажды...

Мысль оборвалась. Он не стал додумывать.

Полежал ещё немного, потом сел, ощупал рану, поморщился. Встал, опираясь о стену здоровой рукой. Отряхнул пальто. Поднял шляпу, нахлобучил на голову. Шарф скомкал и приложил к уху.

И пошёл.

За спиной остался тёмный двор, отпечатки борьбы на снегу и тот странный парнишка в восьмиклинке, в последний момент сбивший смертельный удар.

Мужчина шагал по набережной и размышлял.

Он отмечал про себя, как хорошо эти пацаны придумали. Девочки, крик, засада, трое против одного. Красиво. Профессионально. Они почти всё предусмотрели.

Кроме одного.

Что солидный дядька в пальто за пятьсот марок окажется не просто «жертвой», а человеком, прошедшим войну, воспитание улицей и ещё кучу всего, о чём этим щенкам лучше не знать.

И ещё он думал о том, кто же был тот третий. В восьмиклинке, с каким-то особенным взглядом, без отчаяния и злости. И эти часы с потёртым ремешком, которые он разглядел в момент спасения.

Зачем парень пошёл против своего поделника? Почему?

Мужчина остановился у фонаря, выкинул окровавленный шарф и, достав платок, промокнул кровь. Посмотрел на багряные разводы, усмехнулся.

— Чудеса, — сказал он вслух.

Денни вышел из подвала и остановился. Вокруг стусилась темнота, только редкие фонари бросали жёлтые пятна на снег. Он осознавал правильность своего поступка. Не мог позволить убить того мужчину. Не потому, что тот был хорошим или плохим — просто Денни не желал становиться убийцей.

Но уверенность эта быстро угасла, столкнувшись с холодом декабрьской ночи.

Надо было найти ночлег. Постоянный. Такой, чтобы не замерзнуть во сне. Денни направился в сторону соседнего дома. Дверь в подъезд была приоткрыта, замок сломан.

Он зашёл внутрь.

Пахло кошками и ещё чем-то кислым. На лестнице царил полумрак, только сверху, с площадки второго этажа, пробивался тусклый свет — единственные жилыцы редко гасили лампу до полуночи, и это значило, что в подъезде будет относительно спокойно. Денни присел на

корточки у батареи — холодной, разумеется. Прислонился спиной к стене и зажмурился. Надо было подумать.

Вокзал. Там всегда нужны грузчики. Можно подзаработать на первое время, а дальше, глядишь, и угол какой найдётся. Денни открыл глаза, нащупал в темноте свою котомку с книгами и документами, проверил отцовские часы на запястье и решил: сначала спрятать вещи здесь, под лестницей, а самому пойти и всё разведать.

Он засунул своё нехитрое добро в самый угол, за груды старого тряпья, и вышел из подъезда.

В ту же секунду с улицы в дверь шагнул мужчина.

Денни посторонился, придержал тяжёлую дверь, пропуская незнакомца. Погружённый в свои мысли, он смотрел в сторону, на тёмную улицу, и просто ждал, когда тот пройдёт.

Но мужчина остановился.

Он увидел восьмиклинку. Ту самую, потёртую, сдвинутую набекрень. И часы на руке, застывшей на дверной ручке. Тяжёлые, с изношенным кожаным ремешком. Именно их он разглядел в момент, когда его спасали от ножа.

— Привет, пацан, — произнёс мужчина.

Голос был спокойный, даже добрый. Денни поднял голову.

Секунда — и он узнал его. Рассечённое ухо, мелкие ссадины на лице, уверенная осанка. Внутри у Денни всё сжалось. Он шагнул назад, в подъезд, лихорадочно просчитывая варианты побега. Их не нашлось: мужчина загораживал выход.

Незнакомец усмехнулся. Не зло, а как-то устало, даже тепло:

— Не бойся, паренёк. Не трону. Не ожидал тебя тут увидеть.

Денни выдохнул. Они вышли на улицу вместе. Никто не произносил ни слова, но это молчание не казалось тягостным. Парень чувствовал, что его не собираются бить. «Странно», — почти вслух подумал он.

— Есть хочешь? — вопрос оборвал тишину. — Пойдём, накормлю.

Денни замешкался. С одной стороны — опасно. С другой — сил уже не осталось, а в животе давно сводило от голода.

Незнакомец протянул руку. Большую, сильную, с узловатыми пальцами.

— Виктор Андреевич.

Денни посмотрел на ладонь, затем — на лицо мужчины. Что-то в его облике, в этих глазах было такое, чему он вдруг поверил. Может, из-за отсутствия выбора, а может, нутро просто не предупреждало об опасности.

Он ответил на рукопожатие.

— Денни.

Виктор Андреевич кивнул и прошёл вперёд. Денни — за ним.

Закусочная располагалась на соседней улице. Внутри пахло жареным луком, свежим хлебом и чем-то тёплым, домашним. Денни не заходил в такие заведения с самого детства. То есть он часто проходил мимо, разглядывал в окна людей за столиками, но самому оказаться внутри — прежде не случалось.

Он присел на краешек стула, боясь лишний раз пошевелиться. Виктор Андреевич подозвал официантку — пожилую женщину в белом переднике — и заказал суп, второе и фруктовую воду.

— А пока несут, — он перевёл взгляд на парня, — давай знакомиться поближе.

Денни напргся.

— Ты в этом доме живёшь? — спросил Виктор.

— Нет, — коротко отрезал Денни.

Тот понял, что парень на взводе. Он не настаивал, не давил. Просто сидел напротив, давая собеседнику время привыкнуть.

Принесли суп. Горячий, наваристый, с кусочками мяса. Денни смотрел на тарелку и не верил своим глазам.

— Ешь, — Виктор пододвинул к нему тарелку.

Денни взял ложку. Рука дрожала. Первая порция обожгла рот, но он едва заметил — голод заглушал всё. Парень ел быстро, жадно, почти не жуя, и только краем глаза улавливал взгляд Виктора: он наблюдал за ним с какой-то грустной, понимающей улыбкой.

Когда с супом было покончено, принесли второе — картошку с мясом под густой подливой. Денни расправился с ней за пару минут.

Виктор подозвал официантку:

— Принесите ещё пирожное. Или булочку какую, сладкую. Для пацана.

Денни замер. Пирожное? Такого он не пробовал никогда. В детстве мама иногда баловала домашними коржиками, но чтобы покупное... Случалось воровать пирожки на рынке, тырить конфеты по ларькам, но пирожное казалось чем-то из другого мира.

Когда официантка поставила перед ним блюдо с маленьким бисквитом, покрытым шоколадной глазурью, Денни почувствовал, как защипало глаза. Он часто моргнул, пряча слабость. Трагедии жизни его давно не трогали, но к таким добрым моментам он был сентиментален.

Пирожное оказалось невероятным. Оно таяло во рту, оставляя сладкое, нежное послевкусие. Денни съел его медленно, смакуя каждый кусочек, и оближал ложку.

Виктор смотрел на него, и в его взгляде мелькнуло что-то тёплое, почти отеческое.

— Сыт? — он чуть наклонил голову.

Денни кивнул. В животе разлилось приятное тепло, в голове — непривычная лёгкость.

— Тогда поговорим, — мужчина отодвинул пустую тарелку, положил локти на стол, сцепив пальцы в замок. — Слушай, у меня нашлись дела в том доме. А что там делал ты?

Денни замялся. Сказать правду или соврать? Виктор смотрел спокойно, без тени давления.

— Грелся, — признался он наконец.

— Часто там греешься?

— Иногда.

Виктор продолжал внимательно изучать парня, не отводя взгляда.

— Ты знаешь кого-то из жильцов?

Денни насторожился. Вопросы казались странными, но страх, который ещё недавно сжимал грудь, отступил. Голос Виктора звучал ровно, доброжелательно; в нём не чувствовалось ничего, что заставило бы сжиматься в комок.

— Там только старики на втором остались, — произнёс Денни. — Они всю войну там прожили.

Виктор оживился, подался вперёд.

— Может, они в курсе, кто выжил из разрушенного соседнего дома? Или ты сам что видел?

У Денни округлились глаза. Разрушенный дом рядом. Его дом.

— Я знал мальчика оттуда, — выпалил он, сам не ожидая, что соврёт. — Мы в школу с ним ходили.

Слова выскочили раньше, чем он успел подумать. Что-то внутри ёкнуло.

— А где он сейчас? — спросил Виктор. — Его родители, семья?

Денни занервничал. Ладони вспотели, он незаметно вытер их о штаны.

— Говорили... — он сглотнул. — Говорили, будто отца убили фашисты. А мальчика с мамой отправили в лагерь. Но это только слухи, на улице болтают.

Виктор вздохнул, и в этом звуке слышалось столько усталости, что Денни вдруг захотелось сказать правду. Но он не знал, как. И надо ли?

— Очень жаль, — мужчина помрачнел. — Я надеялся, что они ещё живы.

Он замолчал, глядя в окно. За стёклами мелькали редкие прохожие, время от времени проезжали велосипедисты. Денни сидел тихо, затаив дыхание. В голове переплетались вопросы: кто этот человек, что ему нужно, почему он ищет его семью?

Виктор расплатился, оставив на столе несколько купюр. Они вышли на улицу.

Морозный воздух обжёг лицо, Денни зажмурился. Виктор шагнул к нему и протянул руку:

— Спасибо тебе, Денни. Я в долгу перед тобой.

Парень засмутился, но ответил на рукопожатие крепко, по-мужски. Лишь когда пальцы разжались, он обнаружил в ладони несколько мятых банкнот. Денни оторопело уставился на деньги, затем перевёл взгляд на Виктора.

— А зачем вам эта семья? — выпалил он неожиданно для себя. — Я могу помочь раз-
узнать.

Виктор медленно пошёл вдоль улицы. Денни пристроился рядом, чувствуя, как хрустит под ногами снег. Мимо прошла женщина с корзиной, обернулась, но мужчина не обратил внимания.

— Я приехал по делу, — Виктор заговорил лишь после долгой паузы. — Ищу свою пропавшую сестру с ребёнком. Она писала мне, но я не мог их забрать. Письма прочитал только после войны, когда они наконец дошли до меня. Но последние из них обрываются концом сорок пятого. С тех пор вестей больше не было.

Виктор изъяснялся туманно, не называя мест, где находился и кем работал. Но в его голосе звучало что-то такое, от чего у Денни защемило сердце. Знакомая, понятная боль.

Денни задумался. У матери не было братьев. Или он просто не знал? Дома никогда не говорили о родне.

— Как её звали? — не выдержал он.

— Тамара, — отозвался Виктор. — По-вашему — Тома. Она писала, что работала в этом доме.

Денни остановился. В ушах зашумело. Тома. Лилит.

Виктор обернулся, с тревогой изучая побледневшего парня:

— Что с тобой, пацан?

Денни не мог ответить. Он только смотрел на Виктора широко раскрытыми глазами, полными слёз. А потом слова хлынули — не остановить, не удержать.

Он рассказал всё. Как Тома читала ему Библию по вечерам. Как жили в бараке, как её убили в лагере. Как бежали вдвоём с Лилит, прятались в развалинах, дрожали от каждого шороха. Как нашли подвал. Как отнёс девочку к Гюнтеру, отдав последнее, что было, — мамины драгоценности, отцовское кольцо, всё до копейки. Как потом искал её, но Гюнтер исчез, а соседи лишь твердили — уехал.

И теперь Денни не знал, жива ли Лилит, где она и найдёт ли её когда-нибудь.

Он говорил и плакал, не стесняясь и не пытаясь прикрыться. Слова перескакивали, путались, но Виктор слушал молча, не перебивая. Его лицо становилось всё серьёзнее, а во взгляде что-то промелькнуло — будто он наконец вышел на правильный путь.

Когда Денни замолчал, Виктор приблизился к нему и обнял. Крепко, по-мужски, прижав к себе так, что перехватило дыхание.

— Спасибо, — в голосе мужчины дрогнула едва заметная хрипотца. — Спасибо тебе, парень.

Он отстранился, посмотрел на Денни повлажневшими глазами. Снежинки таяли на его суровых колючих щеках. Денни шмыгнул носом, утирая рукавом заплаканное лицо. Встретаться взглядом было неловко, но и отводить его не хотелось.

— Где ты теперь живёшь? — нарушил тишину Виктор.

— После вчерашнего — нигде, — признался Денни. — Меня... выгнали.

Мужчина кивнул так, словно этого и ожидал. Ни тени удивления, ни осуждения. Просто понимание.

— Значит, так, — распорядился он. — Я снимаю квартиру недалеко. Комната, диван, кровать. Поживёшь пока у меня. А там разберёмся.

Денни смотрел на него и не верил. После всего, что случилось, после того как свои вышвырнули вон, чужой человек, почти незнакомый, зовёт его разделить крышу над головой. Просто так. Без условий, без обещаний.

— Можно? — голос прозвучал неуверенно.

— Можно, — коротко обронил Виктор.

И они пошли вместе — высокий, крепкий мужчина в дорогом пальто и худой парнишка в потрёпанной куртке. В кармане у Денни «тикали» отцовские часы, стрелки которых давно застыли, но ему казалось — они всё равно отсчитывают время. Время новой жизни, которая только начиналась.

Глава 3

Квартира Виктора оказалась на втором этаже старого дома у вокзала. Две комнаты: спальня и гостиная, совмещённая с кухней, где пахло табаком, вчерашними щами и привкусом чужой, незнакомой жизни.

Денни застыл в дверном проёме, не зная, куда себя деть. Всё выглядело слишком... аккуратно. Стол, застеленный газетой. Этажерка с ровно расставленными книгами. Настольная лампа с зелёным абажуром. И диван.

Он казался огромным, с высокой спинкой и валиками по бокам. Виктор показал на него: — Твоё хозяйство. Бельё в шифоньере, застелешь сам.

Денни кивнул, но не сдвинулся с места. Он смотрел на диван. Лечь на таком? Одному? На мягком? Последний раз он спал на кровати... парень даже не помнил когда. Казалось, в другой жизни.

Виктор ушёл в спальню и закрыл дверь. Денни постоял ещё минуту, потом осторожно, на цыпочках, приблизился к дивану. Тронул рукой обивку. Мягкая. Тёплая. Пахнет тканью и чуть-чуть пылью и табачным дымом.

Он сел. Пружины скрипнули, но не провалились. Откинулся на спинку, прикрыл веки.

И вдруг его затрясло. Не от холода — от чего-то другого. От того, что можно просто сидеть на мягком диване.

Парень пробыл в таком состоянии минут десять, потом встал, нашёл в шифоньере простыню, подушку, одеяло. Постелил. Аккуратно, как учила Тома: «Уголки чтобы ровные были, Денни. Порядок — это уважение к себе».

Разделся. Смерил глазами постель, затем себя. И замер.

Руки были тёмные, с чёрной каймой под ногтями. На локтях — въевшаяся грязь. На ногах — полосы сажи, которая, кажется, уже въелась в кожу навсегда. Он принялся к себе и поморщился. Пахло подвалом, дымом, потом и затхлостью — запахом человека, который три года не видел нормальной воды.

Денни снова взглянул на белую простыню. На наволочку. На одеяло, которое пахло свежестью и, кажется, даже крахмалом. И не смог.

Аккуратно стащил с кресла старый плед, расстелил на полу, положил под голову свёрнутую куртку и лёг. Так было привычно. Жёстко, но привычно. Он свернулся калачиком, натянул плед до ушей и закрыл глаза.

В тишине было слышно, как за стеной тикают часы. Сколько он так пролежал — минуту, час? — Денни не понял.

Но вдруг скрипнула дверь, Виктор вышел из спальни — судя по звукам, искал сигареты. Обернулся на диван, сделал шаг дальше... и остановился.

Парень лежал на полу, весь сжавшись, и делал вид, что спит. Виктор переводил внимание с пустой, аккуратно застеленной постели на тёмный силуэт на полу, словно не в силах сообразить, почему диван пуст.

— Эй, боец, — позвал он негромко.

Денни замер. Ресницы дрогнули, но глаза он не открыл.

— Я вижу, что ты не спишь, — заметил Виктор уже с усмешкой. — Давай, рассказывай. Место не подошло барской спине?

Денни нехотя поднялся и сел, обхватив колени руками.

— Подошло, — буркнул он в сторону.

— А чего тогда на полу? Привычка?

— Не... — парень замялся, коротко указав подбородком на диван. — Я... постель... Она... чистая очень. Белая. А я...

Он не договорил. Виктор вздохнул — не сердито, а как-то устало и тепло одновременно.

— Так, — подытожил он. — Вставай. Идём.

— Куда?

— Помывку организуем. А то так ты до утра пролежишь, а мне потом совестно будет, что я гостя на полу держу.

Денни вскочил, но тут же замялся:

— Да я сам... утром можно...

— Утром дела, — отрезал Виктор. — И вообще, нечего откладывать. Пошли.

Он проводил парня в санузел — маленькую комнатку с чугунной ванной и медным кра- ном. Щёлкнул выключателем, поставил на плиту большой чайник, достал из-под раковины таз и ковшик.

— У нас тут с горячей водой не всегда ладно, — объяснил он. — Но сейчас нагрёю. Раздевайся пока. Набирай холодную.

Денни замер в дверях, не двигаясь.

— Чего встал? — обернулся Виктор.

— Я... ну... — парень мялся, переминаясь с ноги на ногу.

Виктор оценил его заминку и вдруг расхохотался:

— Ты что, мыться боишься? Серьёзно? Лагерь прошёл, а воды испугался?

— Не боюсь, — обиделся Денни. — Просто... не помню, когда в последний раз в ванне лежал.

Виктор перестал смеяться и посерьёзnel:

— Ну, значит, сегодня вспомнишь. Давай, раздевайся, не стесняйся. Я пока перекурю.

Он вышел, прикрыв за собой дверь. Денни остался один.

Стянул одежду. Стоял голый посреди тесного помещения и разглядывал себя в мутном зеркале. Тощий, бледный, рёбра наружу, на ногах — тёмные разводы, на руках — зажившие ссадины, оставившие неровные следы. Он понюхал подмышку и поморщился. Да уж...

Виктор постучал:

— Чайник закипел. Открывай!

Денни высунул руку в щёлку. Мужчина передал ему горячую ёмкость и хмыкнул:

— Прячешься, как барышня! Ты давай там, отмывайся до скрипа, смотри — проверю. Полотенце на вешалке.

Денни снова закрылся и разбавил кипяток. Набрал ковшик, вылил на плечи — и чуть не заплакал. Он поливал себя горячей водой и наблюдал, как по телу бегут грязные ручьи.

— Держи мыло! — в приоткрытую дверь просунулся брусok хозяйственного.

Денни намылился. Пена щипала глаза и лезла в нос, но он тёр себя, тёр, пока кожа не начала гореть. А потом снова ополаскивался.

Сколько времени прошло — неизвестно. Виктор уже раза три проходил мимо, покашли- вая, но молчал. Наконец не выдержал, постучал:

— Живой там?

— Ага, — донеслось изнутри.

— Не утонул? Третий чайник ставлю.

— Сейчас, — виновато отозвался Денни.

Он вылез из ванны, вытерся огромным полотенцем и повернулся к зеркалу. Из мутного стекла на него смотрел незнакомый парень — чистый, румяный, с мокрыми волосами и гла- зами, в которых светилось что-то похожее на счастье.

Денни улыбнулся своему отражению.

— Привет, — прошептал он.

Когда он вернулся в гостиную, закутанный в махровую ткань и сжимая в кулаке грязные штаны, Виктор сидел на кухне и курил в форточку. Мужчина присвистнул:

— О, я смотрю, новый человек родился!

Денни засмутился, пробормотал что-то про бельё и поспешил к дивану. Натянул вещи, что дал Виктор — старую майку и трико. Они были больше на три размера, но чистые.

Он заново разгладил руками простыню. Осторожно лёг и провалился в сон сразу, как только голова коснулась подушки. Постель пахла свежестью, тело впервые за годы не зудело от грязи, а домашнее тепло усыпило мгновенно.

Среди ночи его настиг леденящий холод.

Он бежал босиком по снегу, проваливаясь по щиколотку. Впереди мелькала фигура Лилит — она оборачивалась, махала рукой, звала, но он не мог догнать. Ноги вязли, белая толща становилась всё глубже, превращаясь в липкую ледяную кашу. Вокруг были сирены, рвались снаряды, но звук был глухим, будто из-под воды. Он крикнул: «Лилит!» — и очнулся от собственного вскрика.

Денни сел в постели, пытаясь отдышаться. Сердце колотилось, майка прилипла к спине. Он огляделся: стол, лампа с зелёным абажуром... Растерялся. Несколько секунд соображал. Он здесь, в квартире. У Виктора. Всё в порядке.

Сполз на пол, прислонился вспотевшей спиной к дивану и долго сидел так, глядя в темноту. Скрипнула дверь. В проёме появился Виктор — взлохмаченный, в майке и подштанниках.

— Кошмары, — сказал тот без вопроса. Присел рядом на корточки, протянул кружку с водой. — На.

Денни взял, сделал глоток. Руки дрожали.

— Каждую ночь? — спросил Виктор.

— Не знаю. Я не помню, что снится. А это... это помню.

Виктор кивнул, помолчал, потом тяжело поднялся.

— Бывает. Со мной тоже первые годы... — Он махнул рукой. — Умойся, полегчает.

Мужчина ушёл, но дверь оставил приоткрытой. Из его комнаты пробивалась полоска света. Денни сходил в ванную, ополоснул лицо холодной водой, потом лёг, прислушиваясь к тишине, и через какое-то время провалился в сон — на этот раз пустой и чёрный.

Утро началось с того, что Виктор растолкал Денни ещё затемно.

— Подъём, боец. Дела есть.

Денни сел на диване, хлопая глазами. За окном было темно, часы показывали половину шестого.

— Куда идем? — пробормотал он спросонья.

— Я на работу, тебе — задание. Слушай сюда.

Виктор стоял посреди комнаты уже одетый: в рубашке, подтяжках, с аккуратно зачёсанными волосами. Перед ним на столе лежал листок бумаги, исписанный крупным размашистым почерком.

— Значит, так. Первое: зольник прочистить, печку растопить, уголь подкидывать. Чтоб к вечеру тепло было. Второе: полы помыть. Тряпка в чулане, ведро под раковиной. Третье: мою рубашку и твои портки постирать. Мыло там же. Четвёртое: сходить в лавку, взять хлеба, молока и, если будет, сала. Деньги и список на столе.

Он перевёл дух и строго глянул на парня:

— Вопросы?

Денни моргнул:

— А... это всё?

— А ты хочешь ещё? — усмехнулся Виктор. — Успеешь, день длинный. Выполнишь — вечером разговор будет. Нет — тоже побеседуем, но похуже.

Он натянул пальто, нахлобучил шляпу и уже в дверях обернулся:

— И смотри, печку не профукай.

Дверь хлопнула. Денни остался один.

Он посидел минуту, переваривая инструкции, затем вскочил и заметался по комнате.

Дела, дела, дела... Он не привык к ним. А тут, ответственность: печь, полы, стирка, лавка...

Денни улыбнулся. Хорошие заботы.

С растопкой он справился быстро — в подвале научился. Половицы вымыл так, что они заблестели. Рубашку Виктора намочил, натёр мылом, прополоскал и повесил на верёвку, натянутую между шкафом и дверью. Потом побежал в лавку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.